

КАФЕДРА

НГ Ex libris (прил. к Независимой). - 2005. - 3 февр. - с. 3

Терпи, казак, ты же — атаман

К 135-летию со дня рождения Федора Крюкова, певца Тихого Дона

Юрий Кувалдин

Без вывертов

Случилось так, что с моей негласной подачи издательство «Советская Россия», с которым я сотрудничал как новый издатель в производственной сфере, в 1990 году на пике литературного бума выпустило в свет толстый том рассказов и публицистики истинного, как считают многие, автора «Тихого Дона», писателя Федора Крюкова (1870–1920).

«Крюков — писатель настоящий, без вывертов, без громкого поведения, но со своей собственной нотой, и первый дал настоящий колорит Дона», — писал Владимир Короленко в 1913 году. Вывертов и случаев громкого поведения в то время было предостаточно. Здесь Короленко подраумевались, несомненно, футуристы, модернисты, сбрасывавшие «с корабля современности» классическую традицию. Крюков же в меру таланта утверждал ее. Тем он и был дорог Короленко. Максим Горький назвал имя Крюкова в ряду тех, у кого следует учиться, «как надо писать правду». А еще раньше, в сентябре 1909 года, он напишет Крюкову с острова Капри: «Рассказ Ваш прочитал. В общем — он мне кажется удачным, как и все напечатанное Вами до сей поры в «Русском богатстве»... Коли не ошибаюсь да коли Вы отнесетесь к самому себе по-доброму — тогда мы с Вами поздравим Русскую литературу еще с одним новым талантливым работником». Горький имел в виду рассказ «Зыбь», который был им тогда же включен в 27-й сборник товарищества «Знание». Но оценка распространялась и на другие произведения: в «Русском богатстве» были напечатаны «Казачка», «На тихом Дону», «Из дневника учителя Васюхина», «В родных местах», «Станичники», «Шаг на месте», «Жажда», «Мечты», «Товарищи».

Поэтический прозаик

Я с небывалой жадностью листал книгу Федора Крюкова, как будто опасался, что ее могут у меня отобрать, и мою душу забирали полностью, зачаровывала и доводила до трепета уже сама мелодика его письма:

«Родимый край... Как ласка матери, как нежный зов ее над колыбелью, теплом и радостью трепещет в сердце волшебный звук знакомых слов... Чуть тает

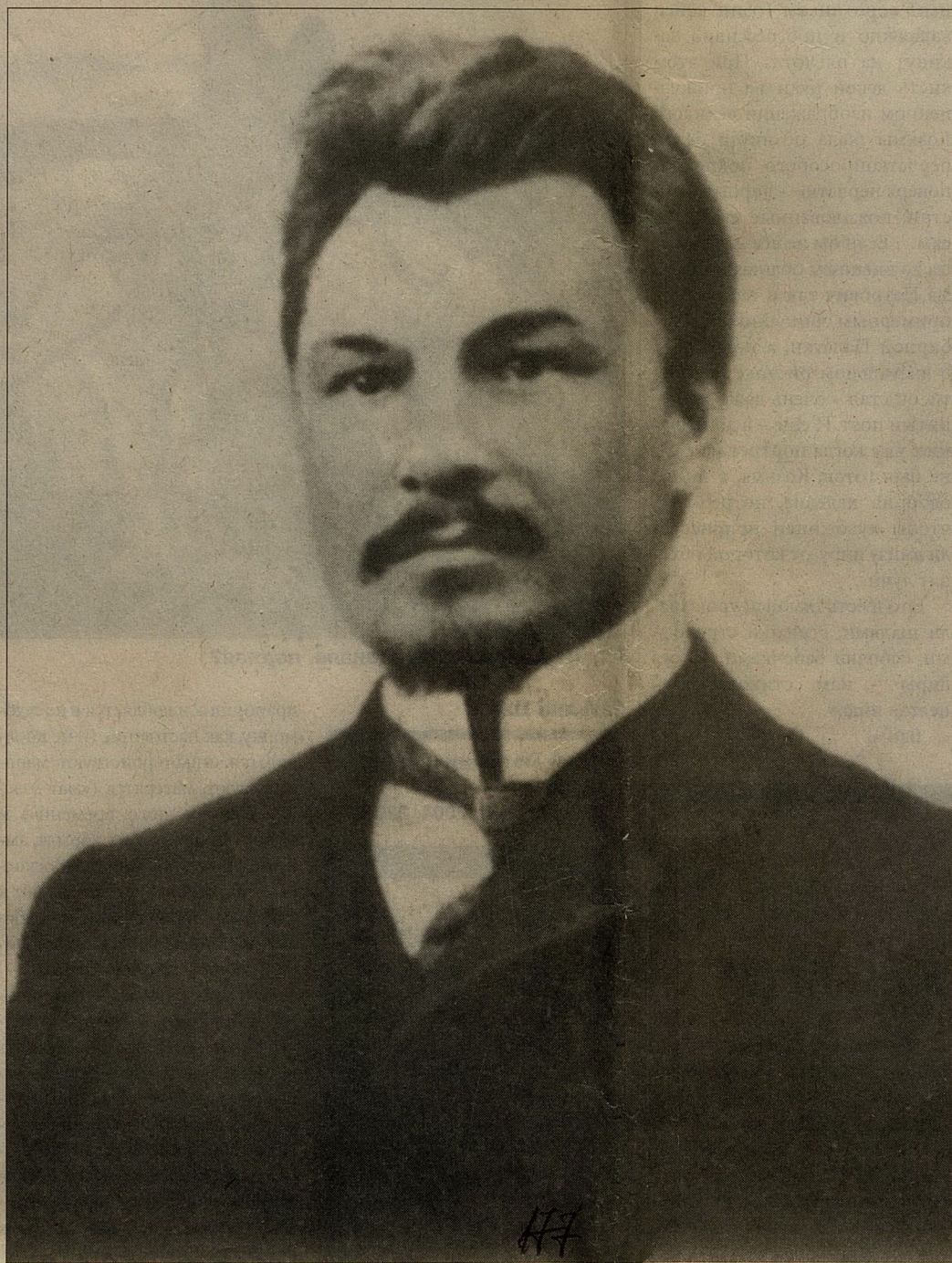
было пробираться туда по снежным заносам. И все-таки лучшие родных мест Крюков ничего не знал. Реки Медведица и Дон, балки, буераки, полынные степи стали той милой средой, куда он всегда стремился, где бы ни жил и ни ездил.

Федор Крюков готовил себя к служению народу в духе идей Некрасова, Толстого. Окончив институт в 1892 году, вернулся в родную станицу. Но с филологическим дипломом там нечего было делать. Ему представилось, что лучшим местом, которое сближает с людьми и удовлетворяет его порыв к любви и самопожертвованию, может быть духовная служба.

Крюков поехал с дипломом к донскому архиепископу Макарию в Новочеркасск. Перед спокойным старичком в скромном монашеском подряснике стоял безусый мощный юноша в тулупе, просился на службу. Благодарный и словоохотливый владыка усомнился в его призвании к духовному сану, посоветовал ему идти в гимназию: «Не хочешь в учителя, подавайся в артиллерию: парень крепкий, плечи у тебя здоровые, орудия ворочать можешь — казаку самое подходящее дело...» — «Каюсь, ушел я от архиепископа теми же легкомысленно веселыми ногами, какими и пришел, не огорчившись отказом», — рассказывал Крюков...

Гимназия с испорченным воздухом

В сентябре 1893 года Федор Крюков поступает на службу в Орловские гимназии — мужскую и женскую. Сначала — воспитателем пансиона. Прослужил в должности семь лет, с августа 1900 года был назначен сверхштатным учителем истории и географии. Он напишет о своем настроении этого времени: «Что за жизнь! Позади — длинный ряд дней, до тошноты похожих один на другой. Ничего яркого, захватывающего, поднимающего дух, даже просто занимательного не было! Пыльная, серая, однообразная дорога по одноцветной, мутной, немой пустыни. Впереди... впереди вырисовывалась та же безотрадная картина: однообразные дни без радости, одинокие ночи с бессильными думами. Та же гимназия с испорченным воздухом, корпус, пансион... Невыносимое, пестрое, одурачивающее галдение в тесных классах и коридорах, убожество духа, лицемерие и тупость в учительских... Все на свете меняется,

Федор Крюков, писатель «без вывертов»...

Фото 1906 года

прище: в начале марта 1906 года ему доставили в Нижний Новгород казенный пакет с печатью Глазуновского станичного правления: его извещали, что он избран на должность в окруженное Усть-Медведицкое собрание по выборам членов Государственной Думы. В гимназии предоставили месячный отпуск. Он прошел выборы и в округе, и в Области Войска Донского — Новочеркасске.

«Первый момент — после нашего избрания, по-особому трогательный, торжественно-трогательный, необыкновенный — первые народные избранники! — как будто спал всех близостью осуществления лучших надежд в уповании. В приветственных речах говорилось о свободе, о

монстраций и умирения бунтов.

В Думе был зачитан запрос о казаках. Донцы привезли и зачитали «приговор» одной из станиц, в котором, между прочим, говорилось: «Мы не желаем, чтобы дети наши и братья несли на себе обязанности внутренней охранной службы, так как считаем эту службу противоречащей чести и добродетели казачества. Теперь, когда мы узнали, что на требования Государственной Думы дать русскому народу свободу и землю правительство ответило отказом, для нас стало ясным, где наши друзья и где враги. Крестьяне и рабочие, требующие от правительства земли и воли, есть наши друзья и братья. Правительство же, которое не желает удовлетворить этих справедливых и законных требований всего русского народа, мы не считаем правительством народным... Само собою разумеется, что оставаться долее на

Когда Крюков приехал домой после избрания в Думу, его брат, студент-лесник, посадил в палисаднике по этому случаю дубовый желудь, чтобы выросло в память народного представительства вечное дерево как памятник свободы.

Дума, где кипели народные страсти, высочайшим повелением была распущена. После Крюков иронически заметит: желудю, который посадил его брат, не суждено было произрасти. «Забралась в палисадник пестрая Хаврошечка, нашкодила в цветнике и выковырнула тупым рылом своим нежный росток нашего дубочка. Погиб памятник».

Терпи, казак

Постигать Федора Крюкова, впитывать сердцем такую прозу, чувствовать ее дыхание, ритм, буквально любовное совокупление слов — наслаждение почти эротическое... Те, кто открывает себя Федору Крюкову, узна-

татером. Он связал свою судьбу с журналом Владимира Короленко «Русское богатство», обрел здесь единомышленников и свою трибуну как прозаик и публицист. В 1912 году, когда ушел из жизни поэт, революционер-народовец Петр Филиппович Якубович, Крюков был взят на его место редактором по отделу художественной литературы. Крюков становится помощником Короленко, который, видя, насколько тяжело было на первых порах новому редактору, ободрял его в письмах 1913 года: «Вообще с редакционным делом не робейте — обвыкнете». «Не унывайте, Федор Дмитриевич. Поначалу-то оно трудненько, да и после работа не активеселая. Но привычка все-таки великое дело», «Терпи, казак, будучи одним из атаманов «Русского богатства»...

Красные флажки на казачьих пиках

Во время Первой мировой войны Крюков побывал на фронте в составе санитарного отряда Государственной Думы на турецком участке, в Галиции в качестве корреспондента, писал об этой войне очерки и рассказы.

Он воспринял как вполне естественное событие 28 февраля 1917 года у Серафимовича были все основания для радостного поздравления друга «с чудесным праздником». «Дожили-таки мы с Вами», — писал он Крюкову 9 марта из Москвы в Петербург.

В марте 1917 года в Петрограде был созван Общеказачий съезд, избран совет Союза казачьих войск. В него вошел и Крюков, но практических дел не вел и вскоре уехал в родные места. В апреле собрался Войсковой съезд в Новочеркасске. Крюков был делегатом от Глазуновской. Выступал с речью.

Крюков стоял за продолжение войны, считая ее для России оборонительной. Надо полагать, что он с сочувствием воспринял пафос манифестации, устроенной после Общеказачьего съезда в Петербурге: казаки на лошадях, с пиками, украшенными красными флажками, с лозунгами на знаменах — «Война до победного конца», «За свободу Родины в крови немецкой выкупаем коней своих», «Всколыхнулся тихий Дон», «Да здравствует свободный народ», «Да здравствует республика».

Революционная Россия — считал Крюков — может погибнуть, если не остановить милитаристскую Германию, которая вторгается в пределы страны. Национальная задача — отражение мощного натиска. Вина за состояние фронта лежит на самодержавии. Временное правительство

Научился проникать в вагоны через окно, когда невозможно было войти через дверь. Сидел на станциях, лежал на платформах вместе с мужиками и бабами, добывавшими хлеб. Приходилось спать в реквизированных учреждениях на тюках бумаг. «Каких только схваток и столкновений я не видел, каких споров и суждений не слышал! Были ослепительно блестящие планы перестройки всего мира; были робкие вздохи о том, чтобы сохранить то, что есть, не ломать старенькое, а осторожно починить его; были буйные озорно гогочущие призывы «взять» и были степенные, но твердые разводы в тех смыслах, что взять — не шутка, а вот как распределить без обиды, без греха? Как бы промеду себя ножами не перерезаться». Ослепительные планы перестройки всего мира ему казались фантастическими, потому что он хорошо знал жизнь в глубинной России. Ему ближе были те, кто не хотел ломать старое, а предлагал осторожно приспособить его к новому. Политическая программа Крюкова — это программа «Русского богатства», взгляды Короленко, изложенные в статьях о мировой войне и в некоторых письмах. Не сошелся он и с большевиками. В частности, Брестский договор, по которому границы на западе страны передвигались до территориальных пределов XVII века, он воспринял как предательство.

Не согласен был и с тем, что большевики сделали опорой в деревне, станицах, хуторах бедноту, иногородних. Он протестовал против притеснения середняков, интеллигенции, крепких, трудолюбивых хозяев, которых нередко подводили под категорию «буржуев». Он не прощал гонения на Церковь, духовенство. Считал неправильным огульное обвинение старого офицерства, служилых людей в контрреволюционности.

В июле 1918 года, когда красной гвардии вошли в Глазуновскую, Федору Крюкову лично, как «буржуа», пришлось уйти в поле с подростками — сыном и племянником. Поймали, привели в станицу, посадили как арестанта в дом станичного правления атамана, затем повезли в революционный центр на Дону — Михайловку. К счастью, там он встретился с Ф.К. Мироновым, в то время заведующим военным отделом ревкома. Это спасло от расправы. Дом его был за это время разграблен, сад вырублен. Бесследно это не проходило, гнев накапливался. И Крюков все больше склонялся к тому, что красные несут казакам разорение, отбирают права, проводят колонизацию.

ни большевиков авантюристической политики «расказачивания». Не зная народную среду, не разбираясь в социальном составе населения, рьяные администраторы из советских органов считали все казачество страны железной гвардией царя, словесным монолитом, контрреволюционной силой. Соответственно разрабатывались директивы для армии. Так, в феврале 1919 года, когда произошел перелом в настраивании казаков и основная часть отошла от Краснова, переходила на сторону Советов, ждала Красную Армию с надеждой, что она принесет мир и защитит от местной контрреволюции, — «Известия народного комиссариата по военным делам» выступили с большой статьей «Борьба с Доном». Она печаталась с продолжением в четырех номерах, имела директивное значение. «Разъясняла», кто такие казаки в прошлом и теперь, как надлежит к ним относиться. Статья очень показательна как большевистская программа искоренения казачества. В статье из истории донцов исключалось все передовое, патристическое, доблестное, что восхищало еще Пушкина, Гоголя, Толстого.

Статья в газете военного наркомата служила комментарием к секретному циркулярному письму Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 года, которое рассылалось с напутствием Я.Свердлова строго придерживаться указаний циркуляра. Предписывалось физическое уничтожение всех верхов казачества, всех состоявших в армии Краснова, всех бывших атаманов, офицеров и служилых людей.

Так началась массовая расправа над населением. Красноармейцы расстреливали в станицах и хуторах кого попало, не щадя стариков, женщин, молодых девушек. Об этом с тревогой сообщали в Москву честные советские работники, командиры и комиссары, возмущенные дикой вакханалией. Но нередко дело кончалось тем, что сами они попадали в волчьи ямы, приготовленные чекистами для несогласных. Такая участь постигла Ф.К. Миронова, чьи подвиги приписали себе С.М. Буденный. Принцип отобрать и поделить действовал во всех сферах жизни. К чему все это привело? К дискредитации идей советской власти, восстанию казаков против репрессий и прочих беззаконий, переходу их на сторону Деникина, к развалу Южного фронта.

Крюков, ставший с апреля 1919 года редактором «Донских ведомостей», печатал обличительные материалы против массового террора, опубликовал немало раскаленных статей — своих и чужих, воззвания казаков, сви-

Благодушный владыка усомнился в его призвании к духовному сану: «Не хочешь

подразумевались, несомненно, футуристы, модернисты, сбрасывавшие «с корабля современности» классическую традицию. Крюков же в меру таланта утверждал ее. Тем он и был дорог Короленко. Максим Горький назвал имя Крюкова в ряду тех, у кого следует учиться, «как надо писать правду». А еще раньше, в сентябре 1909 года, он напишет Крюкову с острова Капри: «Рассказ Ваш прочитал. В общем – он мне кажется удачным, как и все напечатанное Вами до сей поры в «Русском богатстве»... Коли не ошибаюсь да коли Вы отнесетесь к самому себе по-доброму – тогда мы с Вами поздравим Русскую литературу еще с одним новым талантливым работником». Горький имел в виду рассказ «Зыбь», который был им тогда же включен в 27-й сборник товарищества «Знание». Но оценка распространялась и на другие произведения: в «Русском богатстве» были напечатаны «Казачка», «На тихом Дону», «Из дневника учителя Васюхина», «В родных местах», «Станичники», «Шаг на месте», «Жажда», «Мечты», «Товарищи».

Поэтический прозаик

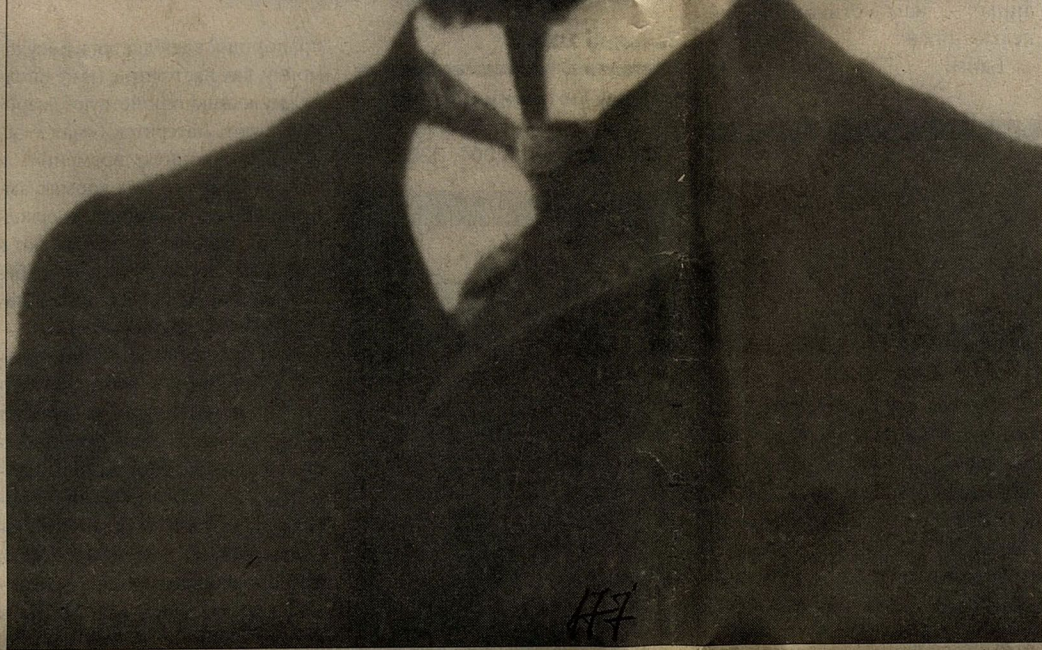
Я с небывалой жадностью листал книгу Федора Крюкова, как будто опасался, что ее могут у меня отобрать, и мою душу забирала полностью, зачаровывала и доводила до трепета уже сама мелодика его письма:

«Родимый край... Как ласка матери, как нежный зов ее над колыбелью, теплом и радостью трепещет в сердце волшебный звук знакомых слов... Чуть тает

бесушии мощи... Крюков же в меру таланта утверждал ее. Тем он и был дорог Короленко. Максим Горький назвал имя Крюкова в ряду тех, у кого следует учиться, «как надо писать правду». А еще раньше, в сентябре 1909 года, он напишет Крюкову с острова Капри: «Рассказ Ваш прочитал. В общем – он мне кажется удачным, как и все напечатанное Вами до сей поры в «Русском богатстве»... Коли не ошибаюсь да коли Вы отнесетесь к самому себе по-доброму – тогда мы с Вами поздравим Русскую литературу еще с одним новым талантливым работником». Горький имел в виду рассказ «Зыбь», который был им тогда же включен в 27-й сборник товарищества «Знание». Но оценка распространялась и на другие произведения: в «Русском богатстве» были напечатаны «Казачка», «На тихом Дону», «Из дневника учителя Васюхина», «В родных местах», «Станичники», «Шаг на месте», «Жажда», «Мечты», «Товарищи».

Гимназия с испорченным воздухом

В сентябре 1893 года Федор Крюков поступает на службу в Орловские гимназии – мужскую и женскую. Сначала – воспитателем пансиона. Прослужил в должности семь лет, с августа 1900 года был назначен сверхштатным учителем истории и географии. Он напишет о своем настроении этого времени: «Что за жизнь! Позади – длинный ряд дней, до тошноты похожих один на другой. Ничего яркого, захватывающего, поднимающего дух, даже просто занимательного не было! Пыльная, серая, однообразная дорога по одноцветной, мутной, немой пустыни. Впереди... впереди вырисовывалась та же безотрадная картина: однообразные дни без радости, одинокие ночи с бессильными думами. Та же гимназия с испорченным воздухом, корпус, пансион... Невыносимое, пестрое, одурачивающее галдение в тесных классах и коридорах, убожество духа, лицемерие и тупость в учительских... Все на свете меняется,

Федор Крюков, писатель «без вывертов»...

фото 1906 года

прище: в начале марта 1906 года ему доставили в Нижний Новгород казенный пакет с печатью Глазуновского станичного правления: его извещали, что он избран уполномоченным в окружное Усть-Медведицкое собрание по выборам членов Государственной Думы. В гимназии предоставили месячный отпуск. Он прошел выборы и в округе, и в Области Войска Донского – Новочеркаске.

«Первый момент – после нашего избрания, по-особому сильный, торжественно трогательный, необыкновенный – первые народные избранники! – как будто спаял всех близостью осуществления лучших надежд и упования. В приветственных речах говорилось о свободе, о

монстраций и усмирения бунтов.

В Думе был зачитан запрос о казаках. Донцы привезли и зачитали «приговор» одной из станиц, в котором, между прочим, говорилось: «Мы не желаем, чтобы дети наши и братья несли на себе обязанности внутренней охранной службы, так как считаем эту службу противоречащей чести и добродетели казачества. Теперь, когда мы узнали, что на требования Государственной Думы дать русскому народу свободу и землю правительство ответило отказом, для нас стало ясным, где наши друзья и где враги. Крестьяне и рабочие, требующие от правительства земли и воли, есть наши друзья и братья. Правительство же, которое не желает удовлетворить этих справедливых и законных требований всего русского народа, мы не считаем правительством народным... Само собою разумеется, что оставаться долее на службе у такого правительства не позволяет наша честь и совесть. Служить такому правительству – значит служить интересам помещиков-землевладельцев и богачей, притесняющих трудящийся русский народ, крестьян и рабочих и выжимающих из него последние соки». Станица не была названа. Стояло 73 подписи казаков. 13 июня на 26-м заседании Думы протестующее, гневное, требовательное слово произнес Ф.Крюков. Это была речь борца за демократию, порядок в стране. Против него выступили три бывших станичных атамана. Завязалась острая борьба среди земляков в самой Думе. Если Крюков закончил речь под бурные аплодисменты, то возражения его оппонентов вызвали раздраженные возгласы, хохот, шум. Крюков выступил еще раз и ответил атаманам-«нагаечникам». Крюков в числе других депутатов подписывает ряд запросов министру внутренних дел: на каком основании содержится в тюрьме четыре месяца учитель и продолжают его увольнение со службы учителей и фельдшеров; об уголовных преследованиях железнодорожных служащих за октябрьскую забастовку. В таганрогской тюрьме много месяцев томился без предъявленных обвинений пять человек. Объявили голодовку. Двое находились в тяжелом состоянии. Крюков поддерживает запрос и по этому случаю.

Когда Крюков приехал домой после избрания в Думу, его брат, студент-лесник, посадил в палисаднике по этому случаю дубовый желудь, чтобы выросло в память народного представительства вечное дерево как памятник свободы.

Дума, где кипели народные страсти, высочайшим повелением была распущена. После Крюков иронически заметит: желудю, который посадил его брат, не суждено было произрасти. «Забралась в палисадник пестрая Хаврошечка, нашкодила в цветнике и выковырнула тупым рылом своим нежный росток нашего дубочка. Погиб памятник».

Терпи, казак

Постигать Федора Крюкова, впитывать сердцем такую прозу, чувствовать ее дыхание, ритм, буквально любовное совокупление слов – наслаждение почти эротическое... Те, кто откроет для себя Федора Крюкова, узнают этот ни с чем не сравнимый эффект, этот, смею сказать, высокий эстетический восторг, когда, читая, то и дело, едва ли не на каждой странице, почти в каждом абзаце, в каждой фразе невольно ахаешь про себя, потому что ты постоянно слышишь такие песни:

«Перед самым закатом выгнуло на минутку солнце, и степь ненадолго оделась в прекрасный багряный наряд. Все вдруг осветилось, стало ярко, необычайно выпукло и близко. И далеко, на самом горизонте, можно было различить масти лошадей, отчетливо перебиравших тонкими ногами, как будто легко, без напряжения, словно шутя, таскавших бороны. Казачка, верхом на рыжем коне, гнала быков в балку, к водопою. Пела песню. И было какое-то особенное обаяние в этом одиноком молодом голосе, который так сладко тужил и грустил о смутном счастье, маявшем сердце несбыточными грезами...»

Перед нами широко распахивается и беспрепятственно впускает в себя знакомый и словно бы незнакомый мир степных трав и вод, закатов и рассветов – мы будто заново начинаем жить на этих страницах, жить с новым, промытым зрением, обострившимся слухом. Совершается художественное колдовство, неумовимое, текучее, всякий раз иное...

После 1906 года Крюков становится профессиональным ли-

Красные флажки на казачьих пиках

Во время Первой мировой войны Крюков побывал на фронте в составе санитарного отряда Государственной Думы на турецком участке, в Галиции в качестве корреспондента, писал об этой войне очерки и рассказы.

Он воспринял как вполне естественное событие 28 февраля 1917 года. У Серафимовича были все основания для радостного поздравления друга «с чудесным праздником». «Дожили-таки мы с Вами», – писал он Крюкову 9 марта из Москвы в Петербург.

В марте 1917 года в Петрограде был созван Общеказачий съезд, избран совет Союза казаков, но практических дел не вел и вскоре уехал в родные места. В апреле собрался Войсковой съезд в Новочеркаске. Крюков был делегатом от Глазуновской. Выступал с речью.

Крюков стоял за продолжение войны, считая ее для России оборонительной. Надо полагать, что он с сочувствием воспринял пафос манифестации, устроенной после Общеказачьего съезда в Петербурге: казаки на лошадях, с пиками, украшенными красными флажками, с лозунгами на знаменах – «Война до победного конца», «За свободу Родины в крови немецкой выкупаем коней своих», «Вскольхнувшись тихий Дон», «Да здравствует свободный народ», «Да здравствует республика».

Революционная Россия – считал Крюков – может погибнуть, если не остановить милитаристскую Германию, которая вторгнется в пределы страны. Национальная задача – отражение мощного натиска. Вина за состояние фронта лежит на самодержавии. Временное правительство отстаивает единую неделимую республиканскую Россию. Для ее спасения надо оставить в стороне все внутренние неурядицы, все групповое, личное, вносящее рознь, мешающее прочному единству...

Здесь Крюкова можно сопоставить с Достоевским по страстности патриотического чувства, но верх, конечно, в нем всегда брал художник, впрочем, как и в Достоевском: не ненависть и вражда, а красота спасет мир.

Проза Крюкова целиком принадлежит русской классике. Классик вырастает из классика. Чтобы быть великим, нужно читать великих и дружить с великими.

Буржуй

Казаки настороженно присматривались, как отнесется к ним Временное правительство. Положение складывалось довольно благополучно. Военное ведомство в марте 1917 года отменило распоряжения царского времени о предоставлении войсковым наказным атаманам права налагать на казака административные взыскания. Была обещана скорейшая отмена и других правоограничений, реорганизация местного управления на демократических принципах.

Крюков находится в гуще возбужденного, митингующего, косящего по дорогам страны народа. Ездит по России. Приходилось и на буферах вагонов, и в чокчаках, в теплушках.

Он хорошо знал жизнь в глубинной России. Ему ближе были те, кто не хотел ломать старое, а предлагал осторожно приспособить его к новому. Политическая программа Крюкова – это программа «Русского богатства», взгляды Короленко, изложенные в статьях о мировой войне и в некоторых письмах. Не сошелся он и с большевиками. В частности, Брестский договор, по которому границы на западе страны передвигались до территориальных пределов XVII века, он воспринял как предательство.

Не согласен был и с тем, что большевики сделали опорой в деревне, станицах, хуторах бедноту, иногородних. Он протестовал против притеснения середняков, интеллигенции, крепких, трудолюбивых хозяев, которых нередко подводили под категорию «буржуев». Он не прощал гонения на Церковь, духовенство. Считал неправильным огульное обвинение старого офицерства, служилых людей в контрреволюционности.

В июле 1918 года, когда красногвардейцы вошли в Глазуновскую, Федору Крюкову лично, как «буржуя», пришлось уйти в поле с подростками – сыном и племянником. Поймали, привели в станицу, посадили как арестанта в дом станичного правления атамана, затем повезли в революционный центр на Дону – Михайловку. К счастью, там он встретился с Ф.К. Мироновым, в то время заведующим военным отделом ревкома. Это спасло от расправы. Дом его был за это время разграблен, сад вырублен. Бесследно это не проходило, гнев накапливался. И Крюков все больше склонялся к тому, что красные несут казакам разорение, отбирают права, проводят колонизацию.

Отличный был человек

В августе 1918 года в Новочеркаске собирается Большая круг. Крюков был снова представителем от Глазуновской. Его избирают секретарем круга. Теперь он должен был ставить свою подпись под некоторыми воззваниями, распоряжениями донского правительства. Но и в это время близости к белогвардейскому лагерю он был противником планов сепаратистов, стремившихся отделить Дон от России. Когда Войсковой круг учредил донской герб – олень, пронзенный стрелой, и свой флаг – васильково-золотистый, Крюкова радовало это как сына родимого Дона, но как гражданина России печалило.

Он писал: «Звучит гордо это – «собственный флаг», но обязательно почувствовалось тут же, что сироты мы и «бесквасники», голыши у разваленной печки, холодной и ободранной, и нечем обогреть нам иззябшее сердце... Нет России, но да здравствует великая Россия... Почему кажется сейчас, что все в ней было такое чудесное и славное, какого нет ни в одной стране на свете? И почему так тепло было около ее патриархальной печки с лежанкой и так сиротливо холодно теперь, под собственным флагом?.. Олень, стрелой пронзенный, еще бежит. Но долго ли?» Тяжелыми для казачества и всей страны стали последствия осуществляемой в эти годы от име-

к ним относиться. Статья очень показательна как большевистская программа искоренения казачества. В статье из истории донцов исключалось все передовое, патристическое, доблестное, что восхищало еще Пушкина, Гоголя, Толстого.

Статья в газете военного наркомата служила комментарием к секретному циркулярному письму Оргбюро ЦК РКП(б) от 24 января 1919 года, которое рассылалось с напутствием Я.Свердлова строго придерживаться указаний циркуляра. Предписывалось физическое уничтожение всех верхов казачества, всех состоявших в армии Краснова, всех бывших атаманов, офицеров и служилых людей.

Так началась массовая расправа над населением. Красноармейцы расстреливали в станицах и хуторах кого попало, не щадя стариков, женщин, молодых девушек. Об этом с тревогой сообщали в Москву честные советские работники, командиры и комиссары, возмущенные дикой вакханалией. Но нередко дело кончалось тем, что сами они попадали в волчьи ямы, приготовленные чекистами для несогласных. Такая участь постигла Ф.К. Миронова, чьи подвиги приписали себе С.М. Буденный. Принцип отобрать и поделить действовал во всех сферах жизни. К чему все это привело? К дискредитации идей советской власти, восстанию казаков против репрессий и прочих беззаконий, переходу их на сторону Деникина, к развалу Южного фронта.

Крюков, ставший с апреля 1919 года редактором «Донских ведомостей», печатал обличительные материалы против массового террора, опубликовал немало раскаленных статей – своих и чужих, воззвания казаков, свідетельства с мест о том, как проходил фронт. Опубликовал он и текст циркулярного письма. К сожалению, многочисленные факты, приведенные в газете, оказывались действительными.

Крюков осуждал не только «леваков» из советских органов власти, но и белогвардейцев, Крюков вел борьбу на два фронта. Поддерживая повстанческое движение, Крюков сам, однако, в боях не участвовал. Он присутствовал иногда на фронте как журналист.

В 1920 году, отступая вместе с остатками армии Деникина через Кубань к Новороссийску, Федор Крюков заболел сыпным тифом и умер в станице Новокорсунской 20 февраля.

Похоронен писатель Федор Дмитриевич Крюков близ ограды монастыря в станице Новокорсунской. «Очень жалею об этом человеке, – отозвался на смерть Федора Крюкова Владимир Короленко. – Отличный был человек и даровитый писатель».

Нынешнему поколению читателей почти неизвестно имя Федора Дмитриевича Крюкова. Между тем его по праву можно считать одним из крупнейших донских литераторов дореволюционного периода. Побывайте в любой казачьей станице – там и поныне сохранилась память о нем.

(Печатается в сокращении.)

Юрий Александрович Кувалдин – писатель, издатель.

Благодушный владыка усомнился в его призвании к духовному сану: «Не хочешь в учителя, подавайся в артиллерию...»

тихий свет зари, звенит сверчок под лавкой в уголку, из серебра узор чеканит в окошко месяц молодой... Укропом пахнет с огорода... Родимый край...»

Эта будто песенная основа, строгайше выверенная тонким, чутким внутренним слухом и безукоризненно выдержанная, это – переливы голоса, долгое, почти певческое дыхание. Это поет казак Федор Крюков, гениальный писатель, я бы даже сказал, поэтический прозаик.

Федор Дмитриевич Крюков родился 2 февраля 1870 года в станице Глазуновской (бывшая Область Войска Донского, теперь – Волгоградская область). Отец – казак, землероб, урядник, долгое время был атаманом в родной станице. Мать – донская дворянка. Первоначальное образование – станичное приходское училище. Затем – с 1880 по 1888 год – Усть-Медведицкая гимназия. Окончил ее с серебряной медалью. Годы детства, отрочества и юности Крюкова прошли в местах, которые он назовет потом в своих очерках, прямо так и озглавит их: «В сутробах», «В углу» – районе пустынном, бездорожном. В весеннее и осеннее время даже главная станица была отрезанной от мира широко разлившимися реками, непроходимой грязью. Зимой надо

но тут, в этой духоте, жизнь как будто окаменела навеки в своих однообразных казарменных формах... О, незаметная трагедия учительской жизни! Мелкая, жалкая, возбуждающая смех и нестерпимый зуд поучений о высоком призвании... В Орловской гимназии у Крюкова учился, между прочим, выдающийся поэт Александр Тиняков.

Двенадцать лет провел Крюков в Орле. И все эти годы ежедневно для совершенствования мастерства записывал хотя бы одну строчку, абзац, и прочитывал на ночь хотя бы одну страницу Чехова или Достоевского, Канта или Шопенгауэра. Когда уезжал, почувствовал: прошли лучшие годы в милом и скучном городе. В Нижегородском училище дослужился он до чина статского советника, получил орден Станислава. Но свое призвание видел в другом – в служении Слову, в постоянном повышении писательского мастерства. Хотя, надо заметить, не гнушался и гражданской деятельностью. В 1905 году раздавал в Глазуновской нелегальную литературу, ругал царя, составил демократического содержания прокламацию нижегородских граждан.

И вот открылось перед ним – как он полагал – широкое по-

праве, о восстановлении старой забытой славы и достоинства... Много хорошего...» – вспоминал он через десять лет.

Желудь свободы

Крюков ехал в Петербург, вез в Думу наказы-требования народа. «Я люблю Россию – всю, в целом, великую, несущую, богатыню противоречиями, непоистощимую, «могучую и бессильную...» Я болел ее болью, радовался ее редкими радостями, гордился гордостью, горел ее жгучим стыдом», – писал Крюков. Страдал стыдом за казачество, «зипунных рыцарей», которых гнали на усмирение восставшего народа в городе и села. Дума открылась 27 апреля (10 мая) 1906 года в Таврическом дворце. Крюков выступал от фракции трудящихся, состояла она из крестьян и близких к ним интеллигентов. Они требовали отмены сословных и национальных ограничений, отстаивали неприкосновенность личности, свободу совести и собраний, демократические формы самоуправления, справедливое разрешение аграрного вопроса на принципах уравнительного распределения земли, протестовали против репрессий и особенно смертной казни, использования казачьих войск для разгона де-